

18+

Воскрешение Св. Лазаря

Коришун
Илья Корпушов

Илья Коршун Корпушов

Воскрешение Св.

Лазаря. Atavis et armis

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72018757
ISBN 9785006716377

Аннотация

Эта книга исследует многовековую историю одного из героических рыцарских орденов – Ордена Святого Лазаря Иерусалимского. Но главный фокус – на силе духа, как страдание стало для них путём к духовному очищению. «Они носили белые плащаницы не для того, чтобы скрыть язвы, а чтобы напомнить миру: святость не имеет лица. Она горит сквозь боль, как свеча в разбитом сосуде». Кто интересуется средневековыми орденами, кто верит, что даже в самых тёмных испытаниях можно найти свет, тому понравится книга.

Содержание

Предисловие	5
Лазариты	5
За день до последнего вздоха	9
Свет, который не гаснет	12
Орден Святого Лазаря	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Воскрешение Св. Лазаря

Atavis et armis

Илья Коршун Корпушов

© Илья Коршун Корпушов, 2025

ISBN 978-5-0067-1637-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Орден Святого Лазаря Иерусалимского – один из древнейших рыцарских орденов, основанный крестоносцами в Палестине в конце XI века.

Лазариты

...Они остались, когда последние корабли крестоносцев уплыли в закат. Не страх удерживал их, не жажда славы – только клятва, выжженная в сердцах проказой. Их называли *Белое Братство*, рыцари Ордена Святого Лазаря, те, кого болезнь обрекла на изгнание, но чей дух отказался сдаться.

Госпиталь в Акко стал их последней крепостью. Стены, пропитанные запахом ладана и гноя, хранили шепот молитв и звон мечей. Лица рыцарей скрывали белые плащаницы, пропитанные уксусом и травами – не столько для защиты от чужих взглядов, сколько чтобы не пугать братьев. Их кожа, покрытая язвами, была картой страданий, но под доспехами бились сердца, горящие верой. – Мы – щит, который Господь оставил на этой земле, – говорил сэр Готье, чьи пальцы уже не сгибались в перчатках. – Пусть тела гниют, но души наши будут чисты. Когда султан Аль-Адиль подступил к Акко с армией, превосходящей вдесятеро, го-

род дрогнул. Жители бежали, священники умоляли *Белое Братство* спастись, но рыцари выстроились у ворот. Их было тридцать. Тридцать против тысячи. – Они уже мертвы, – смеялись мамлюки, глядя на искалеченные фигуры. – Что могут сделать тени? Но тени сражались как демоны. Они шли без страха боли – проказа давно отняла у них чувство страха. Их мечи, зазубренные от бесчисленных битв, рубили врагов, будто те были тростником. Сэр Готье, потерявший глаз, вел их в атаку, крича псалом: *«Dominus lux mea est!»* («Господь – свет мой!»). К ночи поле перед госпиталем утопало в крови. Мамлюки отступили, шепча о *джиннах*, вселившихся в рыцарей. Но победа стоила дорого: из тридцати уцелело семеро. – Завтра они вернутся, – прошептал брат Лука, юный оруженосец, чье лицо еще не коснулась проказа. – Тогда мы встретим их снова, – ответил Готье, вытирая черную кровь с губ. – Пока бьются наши сердца, Святая Земля не падет. На рассвете мамлюки нашли госпиталь пустым. На алтаре лежали белые плащаницы, сложенные в форме креста, а у стен стояли семь мечей, воткнутых в землю рукоятками вверх. Легенда гласит, что рыцари исчезли в песках, чтобы вновь явиться, когда вере будет грозить гибель. А султан Аль-Адиль, человек суровый и мудрый, приказал воздвигнуть на месте битвы стелу с надписью: «Здесь пали лучшие из врагов. Да простит Аллах их души». Их называли безумцами, святыми, призраками. Но в хрониках Небесного Иерусалима они навсегда остались Рыцарями Белой Плаща-

ницы – теми, кто сражался не за землю, а за свет, который даже проказа не могла погасить.

Из оды «Deus Vult»

«Мы шли через саванны, как в жерле с языками пламени.
Мы исчезали, покрываясь тленом, под насыпью песка.
Мы часть игры – всемирной карты,
Где ход бесследен, как пыльца.»

Закончился поход и не успев начавшись.
Толпа ревущих умерла,
Никто не вспомнит о страдающих.
Ведь тел их нет, походу мрачна их душа.

Быть может живы, аль убиты,
Никто не скажет им теперь.
Поход прозрачный и забытый,
Как не было, увы, начнется новый день.

А новый и не начинался,
Все помнят этот жалкий век,
Когда погода насмехалась

Над теми кто ходил на смерть...

Они пошли на месть за бога,
И вдруг исчезли в бытие.
Кресты идущие сквозь догмы,
Хоронятся в чужой земле.

За день до последнего вздоха

Последние молитвы в Акко

Тени уже сползали со стен госпиталя, когда брат Лука разливал вино – густое, как кровь, смешанное с миррой, чтобы заглушить вкус гнили. Тридцать чаш для тридцати рыцарей. На столе лежали хлебные лепешки, подгоревшие по краям, и чаша с уксусом, в которой мочили плащаницы.

Сэр Готье сидел у камина, пытаясь размять руку в латенной перчатке. Его пальцы, скрюченные словно корни старого дуба, с трудом сжимались вокруг рукояти кинжала. – Брат Лука, – позвал он, и юноша вздрогнул, – сегодня ты не должен стоять в стороне. Возьми меч. – Но я... не рыцарь, – проворкотал Лука, касаясь гладкой кожи своего лица – единственного, что еще не тронула проказа. – Ты – один из нас с того дня, как вынес с поля раненого Гильома. В углу зала брат Гильом, чье лицо скрывала матка из вощенной ткани, хрипло засмеялся: – Тогда он обмочился от страха, как щенок! – Зато не обоссался, как ты под Арсуфом, – огрызнулся Лука, и зал взорвался смехом. Даже смех здесь звучал хрипло, словно сквозь пелену пепла.

Слова перед рассветом

Когда чаши опустели, рыцари собрались у алтаря, где горели семь свечей – по числу дней Творения. Сэр Готье под-

нял дрожащую руку:

– Говорите, братья. Пусть ночь услышит наши истинные мысли. Первым встал брат Мартин, чья правая нога была съедена болезнью до кости: – Я видел сон. Мы стоим у врат Рая, но святой Петр говорит: «Вы пришли слишком рано». – Может, он просто испугался нашего запаха? – процедил Гильом, и снова смех, на этот раз нервный. Брат Жоффруа, молчаливый гигант с обрубками вместо пальцев, ударил кулаком по столу: – Я не боюсь смерти. Но... – он замолчал, глотая слова. – Но? – подтолкнул Готье. – Но боюсь, что Аллахи не простят нам того, что мы творили в Яффе. Тишина повисла тяжелее доспехов. Лука видел, как сэр Готье закрыл единственный глаз, будто перед ним вновь встали горящие дома, крики женщин, дети под копытами... – Мы были солдатами, – наконец сказал Готье. – Солдаты не молятся за прошлое. Только за будущее.

Последняя исповедь

Лука не удержался:

– А если завтра... если мы проиграем? Что скажут о нас? – Скажут, что мы были глупцами, – хрипло ответил Гильом, снимая матку. Его лицо напоминало восковую свечу, оплавленную огнем. – Но я предпочитаю глупость предательству. Сэр Готье встал, опираясь на меч: – Они назовут нас безумцами. Святыми. Проклятыми. Но мы – просто люди, Лука. Последние, кто помнит, зачем начинался этот крестовый по-

ход. Он подошел к окну, за которым темнели огни мамлюкского лагеря. — Когда я был мальчишкой, священник говорил: «Вера — это не щит от страданий. Это причина терпеть их». Мы — живое доказательство этих слов.

Перед ударом колокола

Перед рассветом они облачились в доспехи. Брат Жоффриу помогал Гильому затянуть ремни, когда тот вдруг схватил его за запястье:

— Если я сегодня паду... — Я положу тебя лицом к Иерусалиму. — Нет. Оставь меня лицом к западу. Хочу видеть, как восходит солнце. У ворот Лука дрожащей рукой пытался привязать к щиту плащаницу. Готье остановился рядом: — Страх — это хорошо. Он напоминает, что мы еще живы. — А вы? Вы не боитесь? — Я боюсь только одного — что наш свет погаснет, не долетев до Бога. Когда колокол пробил тревогу, тридцать рыцарей выстроились в ряд. Их белые плащаницы колыхались на ветру, как паруса корабля, который никогда не вернется домой. — *Dominus lux mea est!* — крикнул Готье.

— *Et salus!* — ответил хор голосов, и ворота распахнулись.

А потом были только мечи, крики, и солнце, взошедшее над морем — ослепительное, словно обещание того, что где-то за пределами боли есть мир, где проказа не съедает плоть, а вера не требует крови.

Свет, который не гаснет

Они молились в предрассветной тишине, когда стены госпиталя в Акко еще хранили прохладу ночи. Тридцать свечей, по числу оставшихся рыцарей, дрожали в руках братьев, чьи пальцы уже не чувствовали тепла воска. Пламя отражалось в единственном глазу сэра Готье – мутном, как старый янтарь, но всё ещё полном упрямого блеска.

– *Dominus lux mea est...* – шёпотом начал он, и хор голосов, хриплых от усохших гортаней, подхватил псалом.

Брат Лука, чьё лицо пока ещё не тронула проказа, раздавал хлеб – чёрствый, как их надежды. Он украдкой смотрел на старших. Гильом, чьи руки напоминали скрученные корни, вырезал из дерева кресты, дарил их больным детям у ворот. Мартин, лишившийся ноги, учил новичков молитвам, которые «нужно слушать кожей, когда уши отказывают».

– *Ты всё ждёшь, когда язвы появятся?* – спросил Луку сэр Готье, заметив его взгляд.

– *Боюсь*, – признался юноша.

– *Зря. Проказа* – это не конец. Это дверь.

Он показал на свечу, чей огонь лизал потрескавшуюся глиняную чашу.

– *Видишь? Свету всё равно, в чём гореть. Даже в раз-*

битом сосуде.

Перед битвой братья писали послания – не чернилами, а уксусом на полосках льна. «Если умру, передайте моей жене в Тулузу», – диктовал Гильом, а Лука записывал, удивляясь, как можно думать о любви, когда пальцы крошатся, как песок.

– Она выбросит это, – хрипел Гильом, – но я хочу, чтобы она знала: я не жалею. Каждая язва – это буква, которую Господь выжжет на мне, чтобы напомнить: даже в аду есть место для молитвы.

Когда мамлюки окружили Акко, Лука спросил, зачем сражаться, если они всё равно умрут.

– Мы уже мертвы, – ответил Мартин, поправляя протез из кожи и дерева. – Но свет внутри – нет.

Они стояли на стенах, обмотанные белыми плащаницами, похожие на призраков. Сэр Готье поднял меч, клинок которого покрылся ржавчиной, как их тела.

– Они думают, что тьма победила нас! – крикнул он. – Покажите им, что свет проходит даже сквозь гниль!

...

Семь выживших рыцарей сидели у костра, на котором

сжигали павших. Лука, чьё лицо теперь скрывала плащаница, смотрел, как искры смешиваются со звёздами.

– *Боль большие не пугает меня*, – сказал он, удивляясь собственным словам.

– *Потому что ты наконец понял*, – улыбнулся Готье (вернее, сморщился – губ у него уже не было). – *Болезнь может съест плоть, но не свет. Тот, кто несёт его в себе, умирает только тогда, когда гаснет сам.*

Они молча смотрели, как первые лучи солнца касаются мечей, воткнутых в землю у ворот. Клинки, покрытые кровью и ржавчиной, вспыхнули, как зеркала.

Говорят, в ту ночь мамлюки видели, как над госпиталем плыл светящийся крест – не зелёный, не белый, а золотой. А на рассвете нашли лишь плащаницы, в которые кто-то аккуратно завернул горсть пепла.

С тех пор, когда в мире рождается человек, обречённый на боль, к его колыбели приходит незримый рыцарь в белом. Он не приносит исцеления – только свечу, которая горит даже под водой. Потому что свет, однажды зажжённый в Акко, теперь живёт во всех, кто выбирает надежду, когда разум шепчет: «Сдайся».

Орден Святого Лазаря

Трофеи:

После битвы при Хаттине (1187 г.) они захватили сарацинские ятаганы, которые позже использовали как вспомогательное оружие.

Госпитальеры с XII века активно участвовали в боях, защищая крепости и паломников. Их символом стал белый восьмиконечный крест на чёрном плаще.

Лазариты (*Орден Святого Лазаря*) изначально занимались уходом за прокажёнными, особенно за рыцарями, заразившимися лепрой. Их госпиталь в Иерусалиме, основанный ещё до Первого крестового похода, стал центром изоляции и лечения.

Оба ордена участвовали в ключевых сражениях, таких как битва при Хаттине (1187) и оборона Акры (1291). Лазариты часто сражались в первых рядах, дополняя силы госпитальеров.

Госпитальеры переместились на Родос и Мальту, сохранив военную мощь. Лазариты, потеряв Иерусалим, сосредоточились на госпитальной деятельности в Европе. Их французская ветвь объединилась с Орденем Кармелитов, а итальянская – с Орденем Святого Маврикия.

Первый глава госпитальеров, Жерар Благословенный, считается также основателем Лазаритов. Оба ордена изна-

чально управляли госпиталями и использовали Августинский устав.

Лазариты переняли часть инфраструктуры госпитальеров, включая лечебницы и церкви в Святой Земле.

Сеть лечебниц: Орден содержал госпитали в Тивериаде, Аскалоне, Акко и других городах Святой Земли, а также в Европе (например, на острове Лазаретто в Венецианской лагуне).

Изоляция прокажённых: После Третьего Латеранского собора (1179) лепрозории стали основным местом содержания больных. Орден также управлял приютами, где прокажённые передавали своё имущество в обмен на уход

Госпитальеры существуют как Мальтийский орден, занимающийся благотворительностью и дипломатией.

Лазариты оставили след в медицине: термин «***лазарет***» происходит от их лепрозориев. Современные организации, связанные с орденом, продолжают помогать больным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.